

Южное лето

(Читать на Севере)

МИХАИЛ
ЖВАНЕЦКИЙ

Южное лето
(Читать на Севере)

ЭКСМО

Москва

2014

УДК 82-7
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Ж 41

Жванецкий М. М.
Ж 41 Южное лето (Читать на Севере) / Михаил Жванецкий. — М. :
Эксмо, 2014. — 272 с.

УДК 82-7
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-04-219292-0

© М. Жванецкий, 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

***И**звините!*

Пишу коротко.

Что-то во мне так распорядилось.

Здесь — летнее.

Юг Большой страны.

Жизнь.

Люди.

Разговоры.

Открытое окно...

Помогли открыть:

Саша Сысоев — прокатный цех Нижнего Тагила,

*Олег Сташкевич — прокатный цех Театра
Миниатюр и Борис Иосифович Мини, которому
я благодарен за предложенную помощь и особенно
за честь выступить на закрытии Старого Поли-
технического музея.*

Всегда неподалеку

Ваши Автор

НАМ 200 ЛЕТ

(1994 г.)

Семь лет назад я желал Одессе стать центром Юга. Чтоб была масса мест индивидуального отдыха вместо одного места массового отдыха, ибо массового отдыха не бывает, писал я.

Как ни странно, многое сбылось.

Чтоб рыба заходила, писал я.

Вошла. Никто не предполагал, что это будет связано с падением производства. То есть раньше одесситы, которые работали, не могли купить рыбу, потому что её не было. Теперь они не могут купить рыбу, потому что не работают. Но рыба есть.

Чтоб было много кафе, ресторанов, магазинов.

Они есть. Товар, конечно, иностранный. Конечно, жалко отечественного производителя, но нельзя из жалости к нему ничего не жрать в едином порыве.

Пусть повсюду звучит музыка, и мы красивым летним вечером все в белом будем гулять от музыки к музыке.

И это есть! И мы ходим. Я раньше бегал вдоль Аркадии, отмечая расстояние по туалетам: две воню, три воню, четыре, четыре с половиной воню, и я отдыхал. С возрастом счёт пошёл назад: пять воню, четыре воню, три... Эх бы музыка... Сбылось!

Новая жизнь наложилась на старую — сквозь воню звучит музыка или воняет сквозь мелодию.

В общем, жить стало веселей.

Теперь — вода! Я мечтал, чтоб вода текла не по статистическим данным, а по трубам... Не течёт. Не сбылось. То есть —

через крышу, через стены, через потолок, но не через трубу... Не сбылось. Если б с таким же напором, с каким велась предвыборная борьба... Нет-нет. Сейчас пощучу... Если б из трубы хлынуло то, что хлынуло из телевизора... Нет... Мы бы подошли... Нет... Если б такой же напор, какой был, нет — бил, нет — был, нет — бил в водопроводе... Нет-нет... Сейчас пощучу... То есть поменять напорами, то есть источник один, но поменять отверстия... Вот... Короче, шучу: не наберёшь там, где хочется, а наберёшься там, где не надо.

И помыться бы. Причём, горячей водой.

Это древнее изобретение человечества: мыться горячей водой. Не стоит его отбрасывать, как устаревшее. Можно, конечно, поливать отдельные места из чайника. Одесситы всегда славились отдельно помытыми местами. Я сам принял первую ванну в 33 года, в возрасте Христа, в Ленинграде, и с тех пор очень хочется помыться. Это частным образом не устроить, вода, как при социализме, течёт централизованно, то есть всё, что зависит от людей, сделано, осталось то, что зависит от руководства.

Что мне ещё нравится — количество кафе. Теперь в успешной борьбе с преступностью можно двигаться перебежками от кафе к кафе, можно скрыться в цветном фонтане, можно прикинуться посетителем и упасть за столик, можно прикинуться собакой хозяина. В общем, в борьбе с преступностью спрятаться уже есть где. И перекусить можно вполне прилично немецкой штучкой хамбургер, или, по-одесски — хербурхам, где очень приличная котлетка «как у мамы» с очень приличной булочкой.

И выборы — свободные.

Сбылось... Правда, мы сначала выбираем, а потом гадаем, правильно ли мы выбрали. Но выбираем правильно. А вот того или не того?

Но правильно. В этой ситуации, когда оба поливают друг друга и показывают друг на друге все язвы, всё равно надо выбрать, и второй сразу затихает и уже тише на половину, на одного. Конечно, до сих пор непонятно, почему так рвутся на места, где одни неприятности и тяжёлый бескорыстный труд на благо народа. Но тут важно, как бойцы поведут себя в мирное время, потому что боевые друзья — это ещё не водопроводчики. Но мы жаждем исключений, и первые шаги новых людей обнадёживают. Они уже хорошо знают разницу между богатыми и бедными, но ещё не чувствуют разницы между бездарными и талантливыми. Эту разницу должны показать им мы. Работать надо, надо работать.

На «Плитах» недаром появились первые люди с трудовым загаром. То есть кисти, шея, декольте от майки, одно колено от дыры в штанах. Наконец-то! Спрашиваю: «В поле?» Нет, говорят, на базаре. Хотя турецкий базар сдаёт, не обеспечивает наш город. Уже и качество падает из низкого в мерзкое, уже и наши путаны им надоели, зато мы все в турецком. Обьевшись турецким шоколадом, опившись турецким лимонадом, хрустя турецкой кожей, одесская красавица уже и смотрит турецким взглядом.

Но одесская красавица есть красавица, ибо состоит из смеси разных кровей.

И кто вопит: Россия — для русских, Украина — для украинцев, Молдавия — для молдаван, — пусть приедут и посмотрят на одесскую женщину.

Красавица — есть красавица.

Молодая — мучение.

Пожилая — наказание.

И всё это в рамке, которая называется «любовь».

И не говорите мне, что жизнь стала хуже. Если вдруг прекратится это время...

Если вдруг победят они, кто стонет и плачет и не может забыть диких очередей за водкой. Если вдруг победят они, кто не помнит, что каждый вызов в ЖЭК, в ректорат, в гороно, в партбюро был вызовом в суд, и судили всех и за всё: за мысли, за разговоры, за танцы, за молитвы, за одежды. Они ходят среди нас, те, кто нас судил.

Если вдруг победят они, мы будем сегодняшний день вспоминать как самый светлый день в жизни. Ибо мы были свободны!

А Одесса есть движимая и недвижимая.

Одесса недвижимая — где каждое поколение кладёт свой камень. Талантливый или бездарный — зависит от того, как развивается данный момент. И она стоит — эта Одесса подмазанная, подкрашенная, где-то со своими, где-то со вставными домами, неся на себе отпечатки всех, кто владел ею.

А есть Одесса движимая. Движимая — та, которую увозят в душе, покидая.

Она — память.

Она — музыка.

Она — воображение.

Эта Одесса струится из глаз.

Эта Одесса звучит в интонациях.

Это компания, сплотилась в городе и рассыпалась на выходе из него... И море... И пляжи. И рассветы. И Пересыпь. И трамваи. И все, кто умер и кто жив, — вместе.

Здравствуй, здравствуй.

Не пропадай.

Не пропадай.

Не пропадай...